

УДК 316.346/.482/.613

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян

Лебедева Л.Г.

Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, оф. 412

E-mail: ludleb@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – проверка гипотезы о существенных различиях социокультурных черт старших и младших возрастно-поколенческих групп (поколений) россиян как основы «актуальных или потенциальных напряжений и конфликтов в социальном пространстве». Эмпирической основой статьи послужили материалы авторского социологического исследования с оценками респондентов в отношении основных черт разных поколений россиян. Результаты показали, что динственное качество, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще в очень малой степени как старшему, так и младшему поколениям – это космополитизм. Три типа менталитета (коллективизм, безразличие, индивидуализм) присущи старшему и младшему поколениям в очень разной степени и пропорциях. Сделан вывод о том, что либеральный тренд, связанный с процессом индивидуализации, не обошел стороной Россию, но консервативный тренд (соответственно, консервативная идентичность) в России сохраняет свои относительно прочные позиции. Социокультурные черты (характеристики, качества) поколенческих групп россиян определяют их многообразные взаимоотношения и, соответственно, тенденции и перспективы развития всего общества.

Ключевые слова: поколения, коллективизм, индивидуализм, индифферентность, типы ментальности

Для цитирования: Лебедева Л.Г. 2023. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 244–254. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

About the Socio-cultural Characteristics of the Older and Younger Generations of Modern Russians

Lyudmila G. Lebedeva

Samara State University of Economics,
141 Sovetskoi Armii St, Samara 443090, Russia

E-mail: ludleb@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to test the hypothesis of significant differences in the socio-cultural traits of older and younger age-generational groups (generations) of Russians as the basis of «actual or potential tensions and conflicts in the social space». The empirical basis of the article was the materials of the author's sociological research with the respondents' assessments of the main features of different generations of Russians. The only quality that, according to the overwhelming majority of respondents, is inherent to a very small extent in both the older and younger generations is cosmopolitanism. Three types of mentality (collectivism, indifference, individualism) are inherent in the older and younger generations in very different degrees and proportions. The liberal trend associated with the process of individualization has not bypassed Russia, but the conservative trend (respectively, conservative identity) in Russia retains its relatively strong positions. The socio-cultural features (characteristics, qualities) of generational groups of Russians determine their diverse relationships, respectively, trends and prospects for the development of the whole society.

Key words: generations, collectivism, individualism, indifference, types of mentality

For citation: Lebedeva L.G. 2023. About the Socio-cultural Characteristics of the Older and Younger Generations of Modern Russians. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 244–254 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

Введение

Проблема социокультурных характеристик старших и младших поколений современных россиян связана не только с вполне конкретными качествами тех или иных возрастно-поколенческих групп сегодняшних россиян, но и с вопросами о перспективах развития современных поколений и их взаимоотношений в условиях нынешнего переходного и переломного состояния российского общества. От существующих социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян зависит весь комплекс их разнообразных взаимоотношений, соответственно, тенденции и перспективы развития всего общества.

С учетом сказанного обозначенную проблему можно считать органической частью более широкой проблемы: что характерно для современных поколений и межпоколенческих взаимоотношений в условиях общества травмы – межпоколенческие конфликты и дезинтеграция социума или выработка нового опыта сотрудничества поколений, соответственно, их межпоколенческая солидарность и интеграция?

Поставленные вопросы стали особенно актуальными после начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года. В острых социально-политических условиях особенно ясно проявляются существующие в обществе проблемы и тенденции. Вместе с этим в процессе информационных, а точнее, смысловых войн, решаются как судьбы стран и обществ, так и будущее гуманитарно-нравственных ценностей, которые человечество вырабатывало веками и тысячелетиями [Адамьянц, 2020, с. 123]. Сравнительно недавние социологические исследования, отражающие социальную ситуацию в российском обществе в связи со специальной военной операцией, показали, например, что «адаптация к доминированию официального нарратива выражена сильнее, чем его воздействие на коллективные представления россиян» [Звоновский, Ходыкин, 2022, с. 38]. Можно сказать, что эта социальная ситуация дополнительно подтверждает роль и силу так называемого генотипа социальной общности (того или иного народа) и коллективных представлений, сложившихся в ходе социально-исторического развития. Это говорит также об актуальности и необходимости глубокого изучения генотипа социальной общности – российского народа и его коллективных представлений.

Отмеченные вопросы обусловили тему и исследовательскую цель статьи. Справедливо ли считать, что у возрастно-поколенческих групп россиян (старших, средних и младших возрастов) существуют очень различные (даже антиномичные) социокультурные характеристики? Вместе с этим являются ли существующие различия социокультурных черт возрастно-поколенческих групп россиян непреодолимым барьером для межпоколенческой солидарности и интеграции?

При выяснении обозначенных вопросов необходимо учитывать некоторые методологические проблемы. Одна из таких проблем – взаимосвязь индивидуального и коллективного в социальной жизни, в социальных взаимодействиях и отношениях и несводимость коллективного к индивидуальному (эмерджентность). Н. Генов определяет социальное взаимодействие как «обмен материей, энергией и информацией между индивидуальными и коллективными социальными акторами в сети социальных отношений и в ходе социальных процессов» [Генов, 2022, р. 32]. Взаимодействия возрастно-поколенческих групп естественным образом включают в себя как индивидуальные, так и коллективные взаимодействия (и сопутствующие им отношения). И на это, вслед за Н. Геновым, обращает внимание И.Ф. Девятко: социальные взаимодействия коллективных акторов «имеют эмерджентные

свойства и не могут быть редуцированы к кумулятивным эффектам индивидуальных взаимодействий» [Девятко, 2022, с. 165]. В то же время, несомненно, что индивидуальные качества (прежде всего, мировоззренческие качества, ценности, ментальность) взаимодействующих индивидов (акторов) неизбежно влияют на качественную определенность (содержание и целевую направленность) тех или иных коллективных взаимодействий (и сопутствующих им отношений) – в том числе на уровне поколенческих групп на всех уровнях – микро-, мезо- и макроуровне.

Перспективы взаимоотношений (и преемственности) поколений определяются в конечном счете тем, какой формируется в обществе молодежь. При этом необходимо учитывать, что в публицистической литературе, а под ее влиянием и в общественном сознании, порой распространяются те или иные мифы, например, о современной молодежи, которые иногда вынужденно обсуждаются и в научной литературе [Богачева, Сивак, 2019]. Чтобы отделить реальное от мифического, важно обсуждать проблему мифов (как и другие проблемы) с использованием конкретно-социологических материалов.

Цель исследования – проверка гипотезы о существенных различиях социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян.

Объекты и методы исследования

Эмпирической основой статьи стали материалы авторского социологического опроса в январе 2020 г. Анкетным опросом охвачены респонденты от 16 до 69 лет (620 человек) по репрезентативной выборке с учетом возраста, пола и территориально-поселенческой структуры населения Самарской области; ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает 5 %.

Социологический анализ основных различий ментальных смыслов и социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян был проведен в отношении трех целевых групп респондентов:

1) 16 лет – 24 года ($n = 202$) – в молодом возрасте люди, как правило, еще тесно связаны с родительской семьей, завершают школьное образование и получают профессиональное, начинают трудовую жизнь, многие также вступают в брак;

2) 25 лет – 44 года ($n = 205$) – в среднем возрастном периоде люди включены в интенсивную трудовую деятельность и связаны, как правило, не только с родительской семьей, но и со своей собственной, с заботами как о детях, так и о родителях;

3) 45–69 лет ($n = 213$) – в старшем возрасте люди все менее активно участвуют в трудовой деятельности, больше внимания и заботы уделяют семье, внукам, а также и самим себе.

Результаты исследования

Для начала рассмотрим, как в общем плане воспринимается проблема межпоколенческих взаимоотношений (в частности проблема противоречия «отцов и детей») респондентами разных возрастно-поколенческих групп (рис. 1).

У всех групп респондентов, как показывает рисунок 1, мнения (оценки) по сути оказались однотипными, очень близкими. Является «достаточно актуальной» – такова преобладающая оценка проблемы противоречия «отцов и детей»; соответствующий ответ выбрали 63,4 % респондентов по всей выборке. Чуть больше таких голосов в младшей группе (67,3 %), чуть меньше – в средней и старшей группах (соответственно, 62,0 и 61,0 %). К этим оценкам (голосам) следует добавить и более категоричные оценки: «является одной из самых острых». В итоге более чем три четверти респондентов в каждой возрастной группе признают проблему противоречия «отцов и детей» «достаточно актуальной» или даже «одной из самых острых» в нашем обществе.

В связи с проблемой «отцов и детей» логично предполагать, что в основе этого противоречия находятся существенные различия в ментальности соответствующих возрастно-поколенческих групп.

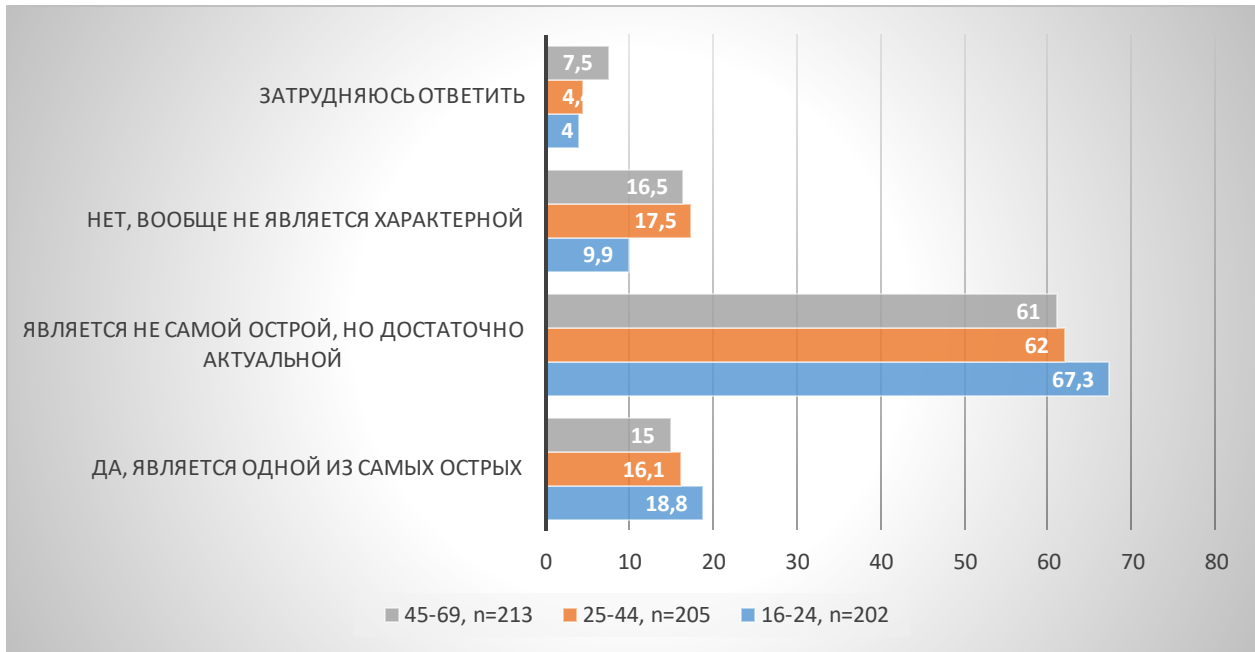

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, является ли проблема противоречия «отцов и детей» одной из самых острых в нашем обществе?» – % (n)

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «In your opinion, is the problem of the contradiction of «fathers and children» one of the most acute in our society?» – % (n)

При этом под типом ментальности (или структурой субъективного опыта, когнитивной моделью) понимаются «характерные для индивида особенности восприятия мира» [Александров, Кирдина, 2012, с. 6]. Критерии ментальности, соответственно, и типы ментальности могут быть различными. Например, в зависимости от набора критериев (по сути типичных качеств личности) исследователями выделяются типы ментальности: «западный» и «незападный», «индивидуалист» и «коллективист» [Александров, Кирдина, 2012, с. 9]. Естественно, что существуют и некие промежуточные, срединные, переходные, смешанные типы с чертами крайних типов ментальности.

Тип ментальности предопределяет формирование тех или иных морально-психологических установок личности и в целом жизненную позицию индивида. А вместе они (тип ментальности, установки личности, жизненная позиция) регулируют реальное поведение человека. При этом жизненная позиция в зависимости от типа ментальности и установок личности может быть либо активной, либо пассивной (а пассивная, в свою очередь, может быть либо конформистской, либо эскапистской) [Зубок и др., 2021, с. 83].

С учетом сказанного при определении списка основных качеств поколений (в анкете для опроса) учитывалось, что «симметричные ответы могут указать на точки конфликтов (актуальных или потенциальных) или напряжений в социальном пространстве» [Ядов, 2004, с. 146]. Например, качество «Чувство ответственности» сопоставляется с «симметричным» качеством «Безответственность».

Какие основные «линии» противоречий «отцов и детей» образуются в виде различных качеств, присущих тем или иным поколениям (табл. 1)?

Единственное из перечисленных качеств, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще совсем в малой мере как старшим, так и младшим поколениям, это – космополитизм. В отношении других качеств заметна тенденция – то, что признается присущим в достаточно большой мере одним поколениям, одновременно признается лишь в малой степени присущим другим поколениям. Различные качества, присущие тем или иным поколениям, образуют основные «линии» противоречий «отцов и детей» (хотя и не в сильной, а в умеренной степени).

Таблица 1
 Table 1

Распределение ответов на вопрос о том, что больше всего присуще старшим и младшим поколениям, – по всей выборке, % от числа респондентов ($N = 620$) и ранги
 Distribution of answers to questions about what is most inherent in the older and younger generations – across the entire sample, percentages of the number of respondents ($N = 620$) and ranks

Ответы (качества)	Присуще старшим поколениям		Присуще младшим поколениям	
	%	Ранги	%	Ранги
Чувство ответственности	71,9	1	19,7	5
Патриотизм	59,5	2	9,5	10
Внимание и забота	48,7	3	14,5	7
Доверие друг к другу	36,8	4	18,1	6
Коллективизм	35,3	5	10,5	8
Недоверие друг к другу	6,9	6	26,9	4
Индивидуализм	6,5	7	54,8	1
Космополитизм	5,0	8	10,2	9
Равнодушие	4,2	9	41,5	3
Другое	2,4	10	4,2	11
Безответственность	1,1	11	42,1	2
Итого	278,3		252,0	
Коэффициент корреляции (r)	–0,427		–0,427	

Коэффициент корреляции (r) между оценками качеств, больше всего присущих старшим и младшим поколениям, показывает умеренную, среднюю ($-0,427$), но отрицательную связь (табл. 2). Это подтверждает наличие проблемы противоречия «отцов и детей» как «достаточно актуальной» (хотя и не крайне «острой») в нашем обществе.

Проанализируем ментальные особенности, присущие разным поколениям, используя принцип матрицы применительно к социальным установкам личности (рис. 2 и 3). Данные матрицы на рис. 3 показывают, что (по оценкам респондентов, имевшим возможность выбирать несколько вариантов ответов) три типа ментальности присущи младшим поколениям почти в одинаковой мере: выборы качеств индивидуализма составили 96,9 % всех респондентов, выборы качеств индифферентности – 78,6 %, выборы качеств коллективизма – 72,3 %, однако, с первенством качеств индивидуализма.

Таким образом, социологические материалы свидетельствуют о существенных внутр поколенческих и межпоколенческих различиях противоречивого характера (вплоть до противоположностей) в социокультурной ментальности россиян. При этом в отношении отрицательных социокультурных характеристик (качеств) старшие поколения и младшие поколения в глазах всей массы респондентов «выглядят» не только по-разному, но в некоторой мере даже в качестве «противоположных» друг другу. Однако в отношении положительных социокультурных характеристик (качеств) старшие поколения и младшие поколения в глазах всей массы респондентов «выглядят», хотя и весьма по-разному, но не в качестве «противоположных» друг другу.

Данные матрицы на рис. 2 показывают, что (по оценкам респондентов, имевшим возможность выбирать несколько вариантов ответов) три типа ментальности присущи старшим поколениям в очень разной мере: выборы качеств коллективизма составили 252,2 % от всех респондентов, выборы качеств индифферентности – 16,1 %, выборы качеств индивидуализма – 7,6 %, при этом с явным преобладанием качеств коллективизма.

	Общее благо	Тип ментальности: «Коллективизм» Качества: Чувство ответственности 71,9%; Патриотизм 59,5%; Внимание и забота 48,7%; Доверие друг к другу 36,8%; Коллективизм 35,3%. <i>(Всего = 252,2%)</i>
Социальная антипатия	Тип ментальности: «Индифферентность» Качества: Недоверие друг к другу 6,9%; Космополитизм 5,0%; Равнодушие 4,2%. <i>(Всего = 16,1%)</i>	
Тип ментальности: «Индивидуализм» Качества: Индивидуализм 6,5%; Безответственность 1,1%. <i>(Всего = 7,6%)</i>		Личное благо

Рис. 2. Типы ментальности на основе распределения ответов на вопрос о том, что больше всего присуще старшим поколениям, % от числа респондентов (*n*) на основе табл. 1

Fig. 2. Types of mentality based on the distribution of answers to the question of what is most inherent in older generations, percentages of the number of respondents (*n*) based on table 1

	Общее благо	Тип ментальности: «Коллективизм» Качества: Чувство ответственности 19,7%; Доверие друг к другу 18,1%; Внимание и забота 14,5%; Коллективизм 10,5%; Патриотизм 9,5%. <i>(Всего = 72,3%)</i>
Социальная антипатия	Тип ментальности: «Индифферентность» Качества: Равнодушие 41,5%; Недоверие друг к другу 26,9%; Космополитизм 10,2%. <i>(Всего = 78,6%)</i>	
Тип ментальности: «Индивидуализм» Качества: Индивидуализм 54,8%; Безответственность 42,1%. <i>(Всего = 96,9%)</i>		Личное благо

Рис. 3. Типы ментальности на основе распределения ответов на вопрос о том, что больше всего присуще младшим поколениям, % от числа респондентов (*n*) на основе табл. 1

Fig. 3. Types of mentality based on the distribution of answers to the question of what is most inherent in the younger generations, percentages of the number of respondents (*n*) based on table 1

Обсуждение результатов

Приведенные социологические материалы показывают весьма противоречивую картину социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян. Различные качества, присущие тем или иным возрастно-поколенческим группам, образуют основные «линии» противоречий между ними (хотя и не в сильной, а в умеренной степени). Многие другие социологические исследования также показывают наличие существенных межпоколенческих и внутрипоколенческих различий (даже «разрывов»); в частности, это относится и к поколению миллениалов [Радаев, 2020, с. 58]. Приходится согласиться с тезисом, что «последствия двух глубочайших культурных травм, пережитых российским обществом в

1980–1990-е годы... будучи в значительной мере преодолены, ощущаются до сих пор, осложняя процессы интеграции общества» [Хагуров, Остапенко, 2019, с. 471].

Вопрос о перспективах развития современных поколений и их взаимоотношений многогранен и обсуждается не только в нашей стране. На основе многолетних международных исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель сделали вывод об идущем процессе «межпоколенческого изменения ценностей» в модернизационном духе [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 145]. Норвежские ученые М.А. Шейен и Б. Хвинден (М.А. Schøyen, B. Hvinden) на примере пяти европейских государств всеобщего благосостояния посвятили свой анализ такому аспекту, как «солидарность поколений и устойчивость государственного благосостояния» [Schøyen, Hvinden, 2018]. Такой вопрос согласуется и с результатами многих российских исследований. В частности, признается, что решение многих проблем, определяющих сознание и поведение молодого поколения, его «уверенность в себе и в завтрашнем дне... связаны больше с социальной сферой жизнедеятельности общества» [Дагаев, Филатова, 2022, с. 598].

На рубеже XX–XXI вв. в развитых европейских странах внимание исследователей привлекло сравнительно новое противоречие (в духе конфликта поколений) в социально-экономической сфере. Так, на фоне серьезных проблем для молодежи (прежде всего безработицы и отсутствия адекватных для молодежи социальных гарантий) одновременно улучшилось благосостояние пожилых людей. В связи с этим появились попытки определить модель социально-экономической политики, которая одновременно обеспечивает благосостояние детей и пожилых людей [Esping-Andersen, Sarasa, 2002]. Разумеется, подобные попытки ограничены рамками рыночной экономики. Однако и в этих условиях государственная социальная политика может «сказать» более или менее веское слово. Указанную проблему следует учитывать и в российском обществе.

Многочисленные травматогенные события российской истории XX века в значительной мере определили облик общества, черты коллективной ментальности, особенности социального поведения россиян. И в настоящее время сохраняются следы этих «поломок», проявляющиеся не только в слабости социальной горизонтали, индифферентности, социальном эскапизме, но и в своеобразной «зацикленности» на проблемах прошлого, тоске массового сознания по «жесткой руке», продолжающихся ожесточенных публичных дискуссиях по поводу того, как правильнее интерпретировать давние трагические события [Волков, 2022, с. 17]. В частности, результаты нашего исследования показывают весьма значимое место такой комплексной характеристики, как «индифферентность», занявшей срединное (промежуточное) положение между комплексными характеристиками «индивидуализм» и «коллективизм» в матрице типов ментальности в отношении как младших, так и старших поколений (см. рис. 2 и рис. 3).

Особо следует остановиться на проблеме космополитизма как одного из качеств, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще совсем в малой мере как старшим, так и младшим поколениям (см. табл. 2 и табл. 3). Немецкого социолога Ульриха Бека (Ulrich Beck) принято считать одним из родоначальников (пионером) космополитической социологии и общества риска; проблеме космополитизма (его сути и реальности) он посвятил целую серию книг [Beck, 1992; Beck (ed.), 2014]. Вряд ли следует сомневаться в том, что космополитизм как явление и мировоззренческая позиция получил широкое распространение в мире под влиянием процессов глобализации. Несомненно, что Россия также не осталась в стороне от этих явлений и процессов. Вместе с этим космополитизм в российском обществе встретил весьма серьезное сопротивление в лице традиционных (консервативных) ценностей и установок россиян (иначе говоря, в лице так называемого генотипа и коллективных представлений российского социума). Этим можно объяснить то, что глубина проникновения и утверждения космополитизма оказалась сравнительно небольшой среди как старших, так и младших поколений россиян. Но про индивидуализм нельзя сказать то же самое, что про космополитизм. Индивидуализм получил в молодом

поколении россиян весьма заметное развитие (см. табл. 1, рис. 2 и рис. 3). И это можно связывать с глубоким и разнообразным влиянием рыночной экономики и адекватных ей социальных отношений. Однако и в этой сфере проявилось влияние не только исторически глубоких (из глубины веков) традиционных (консервативных) ценностей и установок россиян, но и сравнительно недавней советской истории и ценностей советского общества (включая коллективизм).

Что могло способствовать существенному сохранению коллективистских ценностей, особенно среди старших поколений, и не очень сильному распространению, утверждению индивидуалистских ценностей даже среди младших поколений (см. рис. 2 и рис. 3) в российском социуме? Думается, что это можно связывать с особенностями развития российского государства в последние десятилетия как социального государства и сохранением (хотя и не в полной мере – не так, как в советский период) традиций патернализма на уровне государственной политики. Именно патерналистские особенности государственной политики в России (в том числе и на уровне различных трудовых и предпринимательских организаций) сглаживали появившиеся в условиях рыночной экономики социальные противоречия, отражавшиеся на положении и взаимоотношениях людей с разными социальными и возрастными статусами.

Однако важно обратить внимание и на «другую сторону медали», противоположную коллективизму, – на индивидуализм.

Смысл «индивидуализации», по оценке З. Баумана, состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли [Бауман, 2005, с. 181]. Таким образом, индивидуализация вполне согласуется с либеральной концепцией развития общества, в том числе семьи и брака. В индивидуализированном обществе внутренний позыв личности распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению принижает значение социальных причин и коллективных действий [Бауман, с. LII–LIII]. В результате общество движется «от общности к обособленности» [Бауман, с. XLIX].

Н. Генов [Genov, 2018] ставит на первое место положительные стороны индивидуализации, отражающей общий процесс увеличения свободы в обществе. Но при этом он подчеркивает, что могут быть как конструктивные, так и деструктивные последствия индивидуализации. В самом деле, с одной стороны, индивидуализация сочетается с повышением возможностей человека решать жизненные проблемы эффективно и автономно. С другой стороны, индивидуализация ведет к атомизации общества, к ослаблению солидарных связей членов общества, в том числе даже на уровне семьи.

Образование противоречивых социокультурных характеристик – социокультурной ментальности – у разных возрастно-поколенческих групп россиян по сути стало своеобразной социокультурной травмой для российского общества. Иначе говоря, образовавшиеся в последние десятилетия социокультурные водоразделы между возрастно-поколенческими группами россиян можно рассматривать в качестве составной части (или одной из граней) общества травмы.

Однако – хотя в развитых странах Запада все более заметно проявляет себя либеральная тенденция, сопряженная с процессом индивидуализации [Бауман, 2005; Genov, 2018], и эта тенденция не обошла стороной и Россию – все же в России именно консервативная тенденция (соответственно, консервативная, а не либеральная, идентичность) сохраняет свои сравнительно прочные позиции. В частности, по социологическим данным, в своем отношении к семье в России «подавляющее большинство респондентов всех возрастно-поколенческих групп проявляет консервативную тенденцию» [Lebedeva, 2021].

Как формируется поколенческая идентичность? Д.С. Петрунина сформулировала так: «Поколенческая идентичность формируется через повседневное взаимодействие между членами одного поколения, посредством воспроизводства доминирующего дискурса» [Петрунина, 2022, с. 58]. Однако, думается, что это неполное определение, с неполным набором

признаков. Представители (члены) любого поколения общаются (и испытывают влияние) не только с представителями своего поколения, начиная с семьи (дети общаются с родителями, а не только со сверстниками). Это же относится к учебным, трудовым и общественным организациям. Иначе не было бы преемственности поколений и преемственной связи поколений. Более того, идентичность формируется не только по принципу подражания – «хочу быть подобным, подобной», но и по принципу отвержения – «не хочу быть подобным, подобной».

Заключение

Различные качества, присущие тем или иным поколениям, образуют основные «линии» противоречий «отцов и детей» (хотя и не в сильной, а в умеренной степени). Три типа ментальности (коллективизм, индифферентность, индивидуализм) присущи старшим и младшим поколениям в очень разной мере и пропорциях. Старшим поколениям индивидуализм и индифферентность присущи в минимальной мере, а коллективизм в максимальной мере. Младшим поколениям все три указанные качества присущи почти в одинаковой мере, но с некоторым преобладанием индивидуализма.

Либеральная тенденция, сопряженная с процессом индивидуализации, не обошла стороной и Россию, но все же именно в России консервативная тенденция (соответственно, консервативная идентичность) сохраняет свои сравнительно прочные позиции. Идентичность формируется не только по принципу подражания кому-либо, чему-либо, но и по принципу отвержения кого-либо, чего-либо. Для общества важно не только умело развенчивать негодные, отрицательные «образцы для подражания», но и активно культивировать образцы для подражания, отвечающие интересам общества. В этом огромная роль принадлежит разнообразным массмедиа, которые не должны подчиняться одному «золотому тельцу», а должны контролироваться государством и общественностью (гражданским обществом) с учетом интересов общества.

Список литературы

- Адамьянц Т.З. 2020. Актуальные смыслы современной социокультурной среды. *Общественные науки и современность*, 5: 121–130. DOI 10.31857/S086904990012327-1.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. 2012. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Социологические исследования*, 8: 3–12.
- Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. Перевод с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Логос: 390.
- Богачева Н.В., Сивак Е.В. 2019. Мифы о «поколении Z». Москва: НИУ ВШЭ, 64 с.
- Волков Ю.Г. 2022. Социокультурные травмы современного российского общества. *Социологические исследования*, 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0
- Дагаев Р.Р., Филатова Я.С. 2022. Генезис картины мира и аксиологических ценностей молодого поколения. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 47(3): 593–600. DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600.
- Девятко И.Ф. 2022. *Genov N. The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology)*. London, New York: Routledge. Рец. И.Ф. Девятко. *Социологические исследования*, 5: 164–167. DOI 10.31857/S013216250018909-2.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. 2022. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции. *Социологические исследования*, 11: 38–53. DOI 10.31857/S013216250021524-9.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. 2021. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*, 12(3): 79–98. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.738.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 462 с.

- Петрунина Д.С. 2022. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов. *Социологические исследования*, 2: 57–64. DOI 10.31857/S013216250018036-2.
- Радаев В.В. 2020. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3): 30–63. DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
- Хагуров Т.А., Остапенко А.А. 2019. Динамика мировоззренческих установок молодежи Кубани. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 19(3): 470–480. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-3-470–480.
- Ядов В.А. 2004. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «не своих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Москва: Аспект Пресс, 326 с.
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications, 260 p.
- Beck U. (ed.) 2014. *Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society*. Cham: Springer, 193 p. DOI 10.1007/978-3-319-04990-8
- Genov N. 2018. *Challenges of Individualization*. London: Palgrave Macmillan, 254 p. DOI 10.1057/978-1-349-95828-3.
- Genov N. 2021. *The Paradigm of Social Interaction*. L.; N.Y.: Routledge, 192 p. DOI 10.4324/9781003215028.
- Esping-Andersen G., Sarasa S. 2002. The generational conflict reconsidered. *Journal of European Social Policy*, 12 (1): 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952872002012001560>.
- Lebedeva L.G. 2021. Attitude to the Family: Generational Aspect. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, Value 106, Samara, Published by European Publisher, pp. 982–988. DOI 10.15405/epsbs.2021.04.02.117.
- Schøyen M. A., Hvinden B. 2018. Intergenerational Solidarity and the Sustainability of State Welfare. In: Taylor-Gooby P., Leruth B. (Eds) *Attitudes, Aspirations and Welfare*, Palgrave Macmillan, Cham: 137–181. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-75783-4_5.

References

- Adam'yanc T.Z. 2020. Aktual'nye smysly sovremennoj sociokul'turnoj sredy [Actual meanings of the modern socio-cultural environment]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5: 121–130. DOI 10.31857/S086904990012327-1.
- Aleksandrov YU.I., Kirdina S.G. 2012. Tipy mental'nosti i institucional'nye matricy: mul'tidisciplinarnyj podhod [Types of mentality and institutional matrices: a multidisciplinary approach]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 3–12.
- Bauman Z. 2005. *Individualizirovanoe obshchestvo* [Individualized society]. Ed. V.L. Inozemceva. M., Publ. Logos: 390 p.
- Bogacheva N.V., Sivak E.V. 2019. Mify o «pokolenii Z» [Myths about «generation Z»]. M., NIU VSHE, 64 p.
- Volkov YU.G. 2022. Sociokul'turnye travmy sovremenno go rossijskogo obshchestva [Sociocultural traumas of modern Russian society]. *Sociologi-cheskie issledovaniya*, 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0
- Dagaev R.R., Filatova YA.S. 2022. Genezis kartiny mira i aksiologicheskikh cennostej mladogo pokoleniya [Genesis of the worldview and axiological values of the young generation]. *НОМОТНЕТКА: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 47(3): 593–600. DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600.
- Devyatko I.F. 2022. Genov N. *The Paradigm of Social Interaction*. (Routledge Advances in Sociology) [The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology)]. London, New York: Routledge. Rec. I.F. Devyatko. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 164–167. DOI 10.31857/S013216250018909-2.
- Zvonovskij V.B., Hodykin A.V. 2022. Otrazhenie kul'turnoj vlasti geopoliticheskogo narrativa v kollektivnyh predstavleniyah rossiyan o special'noj voennoj operaci [Reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in the collective perceptions of Russians about a special military operation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 11: 38–53. DOI 10.31857/S013216250021524-9.
- Zubok YU.A., CHuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. 2021. ZHiznennye pozicii molodyozhi: smyslovye osnovaniya formirovaniya [Life positions of young people: semantic bases of formation]. *Vestnik Instituta sociologii*, 12(3): 79–98. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.738.

- Inglhart R., Vel'cel' K. 2011. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledova-tel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. M., Publ. Novoe izdatel'stvo, 462 p.
- Petrulina D.S. 2022. «Perekhodnoe pokolenie»: pokolencheskaya identichnost' millenialov [«Transitional generation»: the generational identity of millennials]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2: 57–64. DOI 10.31857/S013216250018036-2.
- Radaev V.V. 2020. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. (Pervaya chast') [The split of the millennial generation: historical and empirical justification. (First part)]. *Sociologicheskij zhurnal*, 26(3): 30–63. DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
- Hagurov T.A., Ostapenko A.A. 2019. Dinamika mirovozzrencheskih ustanovok molodezhi Kubani [Dynamics of ideological attitudes of Kuban youth]. *Vestnik RUDN. Seriya: SOCIOLOGIYA*, 19(3): 470–480. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-3-470-480.
- YAdov V.A. 2004. Processy identifikacii rossijskih grazhdan v social'nom prostranstve «svoih» i «ne svoih» grupp i soobshchestv (1999–2002 gg.) [The processes of identification of Russian citizens in the social space of «their» and «not their» groups and communities (1999–2002)]. M., Publ. Aspekt Press, 326 p.
- Beck U. (ed.) 2014. Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society. Cham: Springer, 193 p. DOI 10.1007/978-3-319-04990-8
- Genov N. 2018. Challenges of Individualization. London, Publ. Palgrave Macmillan, 254 p. DOI 10.1057/978-1-349-95828-3.
- Genov N. 2021. The Paradigm of Social Interaction. L.; N.Y.: Routledge, 192 p. DOI 10.4324/9781003215028.
- Esping-Andersen G., Sarasa S. 2002. The generational conflict reconsidered. *Journal of European Social Policy*, 12(1): 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952872002012001560>.
- Lebedeva L.G. 2021. Attitude to the Family: Generational Aspect. In: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Val.106, Samara, Publ. by European Publisher, pp. 982–988. DOI 10.15405/epsbs.2021.04.02.117.
- Schøyen M. A., Hvinden B. 2018. Intergenerational Solidarity and the Sustainability of State Welfare. In: Taylor-Gooby P., Leruth B. (Eds) Attitudes, Aspirations and Welfare, Palgrave Macmillan, Cham: 137–181. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-75783-4_5.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.12.2022
Поступила после рецензирования 18.04.2023
Принята к публикации 28.04.2023

Received December 29, 2022
Revised April 18, 2023
Accepted April 28, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии института менеджмента, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila G. Lebedeva, Senior Lecturer, Department of Sociology and Psychology, Institute of Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia